

ВИКТОР РОСТОКИН

НЕОБЖИТЫЕ ПРОСТРАНСТВА

Стихотворения

Поэмы

Том 1. Проселки

Волгоград 2017

С БОЖЬЕЙ ПОМОЩЬЮ...

Весь свой век, если не брать во внимание один год учебы в институте, три года службы в армии и кратковременных отлучек для поездки в город, я прожил в глубинке в постоянном окружении, слиянии с Природой, с полупатриархальным, мало в чем меняющимся десятилетиями укладом бытия сдельщины, со многим другим, что являло моему сознанию и разуму разноликое, сокровенное естество с оттенками простодушной радости, не угнетающей грусти и чувств желания бодрого движения. Упиваясь росяной свежестью, заздравным многозвучием околицы, березняков, полевых балок, украшенных лазоревыми цветками, я не испытывал столь долгие кризисы в творчестве. В упор и исподволь я наблюдал будни и праздники малой родины, душой вникал, изучал окружающий мир. Одни явления отображал в прозе, другие – в стихах, третьи – в лесных скульптурах, художественных фотографиях, рисунках. Выходили в свет мои книги. Правда, не таким темпом, как мне хотелось. Ну да и за это спасибо! А еще... Те или иные «сдерживающие факторы» на меня действовали не только огорчительно: они понуждали не расслабляться, а более тщательно, углубленнее работать над словом. И вот сегодня из всего накопленного я собрал два тома стихотворений и поэм «Проселки» и «Позаранник». Молюсь и уповаю на Божью помощь. На участие добрых людей. И книги незакатным днем придут к чайным читателям. О том же сказ вешних ветров, широко и вольготно разгулявшиеся в пробуждающейся донской сторонке.

В. А. Ростокин

На исходе марта 2017г.

* * *

Мне не позволят долго спать,
Гулять беспечно на природе.
И в зайца из ружья стрелять,
Ромашки на опушке рвать
И плохо думать о народе.
И если чем-то я стеснен
И к цели медленно шагаю,
Они даруют мне уклон –
И я легко бегу... взлетаю!..

ЕСЛИ ОДНАЖДЫ ГОСПОДЬ...

СЛЕПАЯ БАБУШКА И РОЗЫ

Розы цвели под окном у старушки слепой,
Каждое утро, проснувшись, она подходила
И, приткнувшись к стеклу седой головой,
Пенье беззвучное слушала и шептала: «Как мило...»
Их понимала она, было знакомо до нотки,
Солнцу улыбку даря, они говорили: «Твой сон
Светел и розов и хоть он короткий,
Но знаменует, что жизни тих и ровен уклон.
Что снег запорошит калитку, наличники окон,
Картинку покажет – глядеть, как в раю побывать!
Будет Господь караулить Всевидящим Оком
И никого в твою душу, жилище твое не впускать.
Хлеба он даст и воды, и приятные сумерки
С праздничным звоном сверчков под лежанкой твоей.
А домовая будет в ночь перекладывать сумки,
Но не уйдет с чердака, чтоб блукать средь полей...»
...Розы все пели. И бабушка тожь улыбалась,
Верила им, как верят ребенку всегда.
Себя она помнит юной и очень счастливой казалось
И куда-то бесследно пропали накопленные года.
Забылось... и вспомнилось, словно отрезало тотчас
Каким-то, не имеющим объяснения жестом. Она
Босая. Подросток. К ней мать обращается: «Дочка,
Послушай, родимая, отца загубила война.
Мне тоже дорога без обратного возвращения.
Останешься ты. Как же сможешь, незрячая, жить?»
И заплакала: «Родилась ты на свет для мучений
И никто тебя больше не будет так сильно любить.»
«Ты не горюй,-как могла, утешала девочка маму,-
Смилоствится Бог: обрету я хороших друзей.»
Мать потом умерла, закопали в глубокую яму,
И сиротка судьбу попросила, чтоб била больней.
Шла с кладбища одна. Вот проулок, калитка, подворье,
Не направилась в хату, лопату взяла стала рыть
В палисаднике. Розы она посадила. И горе
Притушилось (оно ведь способно вконец загубить!)
Притомилась старушка от мыслей, истекших нежданно,
Возвернулась к постели. На тумбочке кружка с водой
И лекарства в таблетках, в пузырьках здесь лежали,
Неохотно потрогала чуть трясущейся слабой рукой.
Но не выбрав из них, чтоб сейчас подходило вернее,
Прилегла. И опять в забытье кто-то тайный увлек.
Интернат инвалидов. Душой она стала зрее.
Институт... Потом в школе вела по природе урок.
Намечалась любовь с коллегой. Но как-то свернулось,
Сбилось с тропки, на том и амур незаметно исчез.
В материнской избушке забила она и замкнулась,
Возраст в тишь поманил, как нас манит по осени лес.

Век она прожила, одиночество ее не смущало,
Не тяготило, что мир наполнен вокруг,
Нет конца в нем, а значит, нет в нем начала,
Светит небо, и дышат деревья и луг.
А цветы... Лишь наутро лучи объявились,
Дали знать о себе, о предназначенье своем.
Без тревоги подумала: «Я бы с ними простилась
Да боюсь, что не встану с кровати ни сейчас, ни потом»
Но она поднялась, пособил ей неведомый некто,
Он и раньше от нее не отделялся далеко.
Кто он? Ангел-хранитель? Дух воли и лета?
Или времени бег, что извечною силой влеком?
Пред окном она, как пред иконою встала,
Помолилась и замерла в предвкушенье ручьистых голосов.
Но безмолвие было, ни звука не услышала...
Разве кто-то другой роднее теперь для цветов?!
А назавтра ее хоронили всем поселком.
Легкий гроб несли ученицы из пятого «А»,
И розы лежали до кладбища, как раскаленные осколки,
И мраморная без надписи плита ждала у креста.

Жене здоровья пожелал-
Себе я жизнь продлил.
Копейку нищему подал-
Себе я жизнь продлил.
Погладил блудного кота-
Себе я жизнь продлил.
Сказал калине: «Красота!» -
Себе я жизнь продлил.
Пить отказался «на троих» -
Себе я жизнь продлил.
И этот написал я стих-
Себе я жизнь продлил.
О, выдался денек пригож!
Услышал сверху Глас:
«Деньков подобных, как сейчас,
Ты много проживешь!»

Париж и Рим мне не знакомы
И мне не снился Вашингтон.
Свой край не покидал исконный,
Деревню, материнский дом.
И мраморных мне изваяний
И полыхающих огней
Дороже в тучах колыханье
Окольных древних тополей,
И сокровенная тропинка
Под сенью их ведет туда,
Где в чашечке цветка росинкой
Мерцает поздняя звезда.
Она сроднилась перед утром,
Как весть о святости земли,
Чтоб сохранила неба мудрость,
Сыновние следы мои.

«ДАСТ БОГ...»
Старик (он мой ровесник,
За семьдесят уже):
«Мне ныне не до песен,
Тревожно на душе.
Вот сторожем работаю
У богача лет пять.
Придумать плоше что-то...
Аль знаешь ты, поэт?
Нам со старухой пенсии
Хватало бы. Да сын...
Ему ох как не весело!
А он ведь семьянин,
Живет давненько в городе,
Ютится в чужаках.
Сказать, достойно вроде бы
И не был в дураках,
Два высших, он учитель
И врач его жена.
У них мальчонка Витя
И Боря. Чья вина,
Что нет жилья родного?
А обещал... Видать,
Хозяина другого
Нам надо избирать.
А вдруг и новый будет
Гресть под себя? Народ...
О нем тотчас забудет:
Живи как сможешь, сброд!
Поэтому работаю
И деньги сыну шлю.
Даст Бог в квартиру новую
С семьей войдет в свою.
Тогда бы мне и бабке
О чем еще жалеть!
На крытой тканью лавке
Покойно умереть».

«МАМА, ВОТ И Я...»

Молчат рубахи и носки,
И сапоги из прорезины.
Зажата удочка в тиски
Кладовки, пахнувшей бензином.
Ее почти что не видать
Среди различных инструментов.
Сюда заглядывает мать
Как бы с притворным намереньем,
И вдруг озлобиво замрет,
Пошевелиться нету силы:
А, может, родненький придет,
В час святой встанет из могилы
И скажет: «Мама, вот и я,
Готовь мне справу на рыбалку,
Приметил в омуте сома-
Не оглушить его и палкой!
Его я выманю из тьмы
Домашней духовитой коркой
И на крючок возьму... Смотри,
Скажу, какой он гордый,
Царь Бузулука, щуки враг,
Любитель в роднике плескаться.
Я для него всего чудак,
С ним не способен я тягаться-
Так он прикинул. Но уже
Натянута до звона жилка.
Теперь он для меня мишень.
И уже скоро моя вилка
Обжаренный кусок возьмет.
О, нет вкусней на свете сома!..»
Мать ходит сутки напролет
В осиротевшем темном доме,
И каждый шаг ее и вздох
На сердце болью отдается.
И дом как будто бы усох,
В окошке солнце не смеется.
Молчат рубахи и носки,
И сапоги из прорезины,
Зажата удочка в тиски
Кладовки, пахнувшей бензином.

В жилье питайся хлебом. Колбасой,
Пей водку и с супругою ругайся.
Коли, к несчастью. Ты не холостой,
Но тут уж сам, как сможешь, разбирайся.
Упор же основной задумки сей
На то, чтобы не стал ты домоседом.
И не оброс, как гнусный лиходея,
Окруже насылавший ночью беды.
Чтобы уют не превратил тебя
В скота, оплывшего вонючим жиром,
Тетрадку в пухлых пальцах теребя,
Дал заключение: «Я стою над миром!»
Зад оторви от кресла, распахни
Дверь, плесенью обмотанную толсто,
На воле вольной волюшки вздохни
Заместо горько-ветреного тоста.
И ты среди деревьев и травы
Воскреснешь... Словно вновь родился!
Сползет венок лавровый с головы
Бесшумно, как и, впрочем, появился.
И ты осмыслишь далее, как жить,
Какой идти дорогой, чем заняться.
И истинным поэтом коль не быть,
То сущим человеком оставаться.
Вот так чуть-чуть переиначил я
Некрасова не праздничные строки.
Словами ведь он не сорил зазря,
Когда о русских гневался пороках.

НЕКРЕЩЕННЫЙ

Хоронили Алешина друга
Михаила – за тридцать ему.
И опять секанула вьюга
Больно по сердцу моему.
А стояло погожее лето,
Цвел бессмертник, дымился шалфей.
И о радости пела куплеты
Птаха средь наклоненных ветвей.
Не понять ей людские страдания,
Укорять я ее не берусь.
Может. Тоже спытала прощанье
И безмерную хладную грусть,
И над сникнувшим плакала птенчиком,
И гнездо покидала не раз –
Приносила румяное семечко...
Но ледышкой тускменился глаз.
Все похоже. Но в измерениях
Разных. Господа Воля, стал быть.
Мать-старуха от горя серая,
Шепчет: «Мог бы еще пожить,
Да проклятая водочка... сношенька...
Что ж о том теперь говорить!»
Гроб зарыли, смиренно, негромко
Поминать удалились, пить
Мужики и дети, и бабы
В «Старый замок» - такое кафе.
И за ними последовал я бы.
Если б смысл не открылся в грехе.
Михаила ведь не отпевали,
Некрещенным он рос и жил.
А причину сельчане знали –
Мать его всяк судил да рядил.
Коммунист она и заветам
Ильича непреклонно верна.
Михаил нарушал запреты,
Отклоняясь порой от вина.
Посещал тихомолком церковь,
С ним ходил Алексей – мой сын,
Он крещенный, с Иисусом в сердце,
Другу он говорил: «Не один
Ты на свете...» Теперь вот
Оба «там». Но по разным местам.
А возможно... Душою он верил
В Бога, Мишка. Ему я воздам
На могиле молитвою светлой.
Вон как случилось... Был холмик готов,
И дождейки запели приветно
На чарующих сто голосов!

Смысл жизни не в вине?
Зачем же оно льется,
И сердце громче бьется
И ты уже на коне!
И как лихой ездок,
В бока вонзаешь шпоры,
Перед тобой просторы
И твой маршрут далек.
Куда он приведет?
К удаче? Или плахе?
...Пуста бутылка. Птаха
На счастье, не поет.
Ты позабыл о ней
И не кормил пять дней,
И вот теперь она
Уже и не она...

Отец и мать, сестра и брат,
Жена и муж и друг сердечный...
Россия носит черный плат.
А этот траур будет вечным?
Все поразмыто. Все ушло,
Основой жизни что являлось.
Коварное крушило зло,
Но, может, что-то и осталось?
О, нет, я вовсе не хочу
Искусно нагонять туманы.
Я истерично не кричу,
Что русский мой народ обманут.
Гораздо бедственней, сложней
В вопросе этом судьбоносном.
Опять доносится с полей:
«Налей!» излишни тут вопросы!

Черные дни ноября,
Зори утратили свет.
Ветры друг другу грубят,
Им перемирия нет.
Кто безвозвратно ушел?
Кто безнадежно придет?
Тонет, качается дол –
Красной России оплот.
Белая Русь умерла,
Церковь о ней лишь скорбит.
Как же жила да была?
Время об этом молчит.
Только ноябрь все смурней,
Вон бездорожье сквозит.
Праздника нет у людей.
Сердце ознобно болит.
Радость ветра унесли.
Мир. А как будто война.
Бога проси... не проси...
Правит в стране сатана.
Дух. Знамо русский одрябл
И безнадежен удел.
Кровью упился ноябрь
И от того почернел.

Когда вино в запасе дома,
То ты всегда настороже,
В какой-то праздничной истоме,
И робость некая в душе.
Как будто ожидаешь гостя
Иль кто-то в гости ждет тебя.
Ты молчалив. Ты счастлив просто,
Глядишь на все и все любя.
Пытаясь вникнуть в твою тайну,
Жена излишне не кричит,
И вот уж утешает сайкой,
Не вдруг сготовленной в печи.
И завораживающая улыбка
Не сходит с милого лица...
Прощай, волшебная бутылка,
Ты дотерпела до конца!

Стою с открытою душой.
Как бы с протянутой рукой.
Проходят мумии, скелеты
И вторят хором: «Нету! Нету!
Торчи здесь сто иль двести лет,
Услышишь то же ты ответ!
Родился ты в недобрый час,
Хоть ты родился позже нас.
Так знай, мы были, как и ты,
И те ж имели мы черты.
Ты станешь мумией, скелетом
И будешь вторить: «Нету! Нету!»
Всем, кто с открытою душой,
Как бы с протянутой рукой.»

Есть осьмушка бумага,
Огрызок карандаша.
В этот миг они кстати!
Мысль бесследно б ушла.

Коль ты в долгой дороге,
От жары изнемог.
В этот миг как он кстати,
Припасенный глоток.

Так земляца два метра,
У нее же свое!
Она примет в объятье.
Нет желанней ее!

«...НОГИ МНЕ ВЕРНИТЕ!»
Инвалидную коляску
Мэр Игнату подарил.
Кулаком по ней он хрястнул
Изо всех остатных сил:
«Лучше бы себе оставил,
А мне ноги бы вернул!»
И еще такое вставил!..
И такое он ввернул!..
Желваки аж заиграли,
Губы жалко затряслись.

Воевать ребят послали
За кордон... «цвела чтоб жизнь
Завсегда в стране великой!»
Да, цвела... Но для кого?
Потемнел Всевышний ликом,
Русь окинул далеко
Взором мудрым и пытливым:
Неважные дела –
Воровство, разбой лавиной,
Княжут те, кто у руля,
Нет кого на жатве в поле,
И на поле боя нет,
Вот уж им «досталась доля!»
Как же мил им белый свет!
Злата, серебра сколь хочешь
И гуляй – твой шар Земной
Белым днем и черной ночью,
Летом долгим и зимой.
А Игнат все пьет сивуху
У забора – в парк нельзя!
Щиплет черствую краюху –
Дали добрые друзья.
Полицейский: «Уберите!..»
«ОН бездомный». «Он урод!»
«Суки, ноги мне верните!» -
Плачет воин какой год.
И сивуху он глотает,
От слезы тускнеет взор.
В парк на «танцы» не пускают.
Обезножел... С этих пор!

Ни торжеств, ни порицаний,
Праздник, будни – не поймешь.
Слово умерло «свиданье»,
Слово процветает «ложь».
Я от ейной мысли ахнул,
Не спалось мне до зари.
Вышел. Снял с себя рубаху,
Бомжу протянул: «Бери.»
И пошел я с голым торсом
Правду-матку прояснять.
Ведь еще не каша – просо,
А Россия нам не мать.
И медали потускнели,
Гимн советский малость груб,
Хором пели- -не допели...
Шелуха слетела с губ!
Эх, пора объединиться
И дружиной двинуть в степь,
С гнусным ворогом сразится,
Заковать в стальную цепь
И в разохшейся телеге
По селениям возить
Вплоть до выпавшего снега
И в сугробе утопить!

Двор утопает весь в цветах –
Петунии, лилии и розы.
А рядом ссоры, брань и страх,
И желчь, и дикие угрозы.
И- полицейские. Суды.
Все чередой бесконечной.
Хоть как прикинь «туды-сюды» -
Нет в доме жизни человеческой,
Нет мира промежду жильцов
И понимания простого,
Коль мерзнет твой сосед без дров,
Поленом поделись. И Богом.
Коли старушка без родни
Скучает – дверь ее напротив,
Ты обстановку оцени,
Предложи ей прогуляться кротко,
Она черемухи глотнет,
Почувствует живую землю.
И ярче роза зацветет,
О счастья петунья внемля.